

Да! Я нервничал... Я очень, очень нервный... Ужасно нервный... И тогда я нервничал, и сейчас нервничаю, но разве это значит, что я сумасшедший? Просто болезнь обострила мои чувства. Ведь не уничтожила же, не притупила. И более всего у меня обострился слух. Я слышал все, что творится на земле и на небе. И многое из того, что происходит в преисподней. Разве сумасшедший на это способен? Выслушайте меня и обратите внимание, каким здравым, каким спокойным будет мой рассказ.

Как эта мысль впервые пришла мне в голову, я не могу сказать, но, как только это случилось, — все, она уже не покидала меня ни днем ни ночью. Никакой особой причины у меня не было. Никаких вспышек ярости. Я любил старика. Он меня никогда не обижал. Ничего плохого я от него не видел. Золото его мне было не нужно. Я думаю, это все его глаз!

Да, глаз. Представьте глаз грифа: бледно-голубой, закрытый пленкой. Каждый раз, когда этот глаз смотрел на меня, у меня кровь стыла. И вот постепенно у меня появилось желание лишить старика жизни и навсегда избавить себя от этого взгляда.

Я это вот к чему веду. Вы думаете, я сумасшедший. Но сумасшедшие-то не понимают, что творят. А видели бы вы меня!

Видели бы вы, как я готовился, как все продумывал...

С какой осторожностью действовал...

С какой предусмотрительностью.

О, а как я за работу взялся! Меня бы в жизни никто не заподозрил!

Никогда еще я не был так добр к старику, как всю последнюю неделю до того, как убил его. И каждую ночь, около полуночи, я поворачивал ручку его двери и медленно открывал ее... Очень, очень аккуратно. Потом, когда она открывалась настолько, что могла пройти моя голова, я просовывал внутрь руку с фонарем, плотно закрытым, чтобы из него не пробился ни один лучик света, а потом просовывал голову.

О, вы бы хохотали до упаду, если б видели, как медленно я это проделывал. Я просовывал ее осторожно, очень, очень осторожно, чтобы не побеспокоить сон старика. У меня час уходил только на то, чтобы полностью просунуть голову внутрь и увидеть его лежащим на кровати.

Ха! Покажите мне сумасшедшего, у которого хватит ума на такое!

А потом, когда голова моя оказывалась внутри, я начинал медленно открывать фонарь. Осторожно-осторожно (петли у него поскрипывали) я открывал его ровно настолько, чтобы один, только один луч из него падал на этот грифов глаз. И это я проделывал семь длинных ночей подряд...

Каждую ночь, ровно в полночь... Но глаз всегда оказывался закрытым, поэтому я не мог совершить то, зачем приходил туда, потому что ведь не сам старик выводил меня из себя, а его дьявольский глаз. И каждое утро, когда поднималось солнце, я как ни в чем не бывало входил в его комнату и начинал разговаривать с ним, причем без капли волнения или страха, называл его по имени (спокойненько так, даже с улыбочкой), спрашивал, как он провел ночь. Так что, будь этот старик хоть семи пядей во лбу, он бы и то не догадался, что каждую ночь, ровно в полночь, я прихожу и смотрю на него, пока он спит.

На восьмую ночь я открывал дверь даже осторожнее, чем обычно. Минутная стрелка на часах движется быстрее, чем шевелилась моя рука. До той ночи я не представлял себе, насколько велика моя сила... моя пронизательность.

Меня всего колотило от восторга. Я с трудом сдерживался! Вот ведь подумать: я открываю дверь в его комнату — медленно, понемногу, — а он и не догадывается ни о чем. Я даже чуть усмехнулся, и он, видно, услышал это — шевельнулся в кровати, будто вздрогнул.

Думаете, я тут же отскочил и закрыл дверь? Нет.

В комнате у него было темно, как в шахте (ставни-то были наглухо закрыты от воров), так что я знал, он не увидит, как я открываю дверь, поэтому продолжал медленно приоткрывать ее.

Я уже просунул голову и собирался открыть фонарь, но тут мой палец соскользнул с оловянного крепления. Старик тут же подскочил в кровати и крикнул: «Кто здесь?»

Я и тут не дрогнул, притаился, знай себе молчу. Целый час я так простоял, и ни один мускул у меня не дрогнул, но только я не слышал, чтобы он снова лег. Он продолжал сидеть в кровати и прислушиваться... Так, как и я до этого, каждую ночь прислушивался к тиканью часов на стене, отмеривающих час смерти.

А потом я услышал негромкий стон и понял, что это стон смертельного ужаса.

Это не был стон боли или печали... О нет!.. То был тихий сдавленный звук, который вырывается из самой глубины души, скованной жутким страхом.

Мне этот звук был знаком прекрасно. Сколько ночей, ровно в двенадцать, когда весь мир спит, он рвался из моей груди, своим жутким эхом сгущая мучившие меня страхи.

Я хорошо знал этот звук, уж поверьте.

Я знал, что старик чувствовал тогда, мне даже стало его немного жаль, хотя на душе у меня было необыкновенно радостно.

Я знал, что он лежит там, не в силах сомкнуть глаз, с той самой секунды, когда вздрогнул, услышав первый слабый шум. И все это время страх его растет, пожирает его.

Он пытается убедить себя, что бояться нечего, что это ему померещилось, но не может. Он говорил себе: «Это всего лишь ветер в дымоходе... Мышь по полу пробежала» или «Это просто сверчок застрекотал и умолк». О да, наверняка он пытался успокоить себя такими предположениями, да только ничего не помогало.

Ничего не помогало, потому что Смерть уже подкралась к нему и окутала жертву своею тенью. Эта жуткая и неосязаемая тень и заставила его ощутить (хоть он ничего не видел и не слышал) присутствие в комнате моей головы.

Простояв достаточно долго и так и не услышав, чтобы он лег, я решил чуть-чуть, самую малость, приоткрыть дверцу фонаря. И стал приоткрывать... Вы представить себе не можете, как осторожно и медленно я ее приоткрывал, пока наконец один тусклый, тоненький, как паутинка, луч света не выскользнул из щелки и не упал на хищный глаз.

Он был открыт. Распахнут. Во всю ширь. И, когда я это увидел, у меня внутри все прямо заклокотало от ярости. Я видел его совершенно отчетливо... этот бледно-голубой зрачок, закрытый мерзкой пленкой, от которой меня пробирало до мозга костей. Но, кроме этого глаза, я не видел больше ничего, ни лица старика, ни его тела, потому что луч как будто специально упал прямым на эту проклятую точку.

А дальше... Разве не говорил я вам, что то, что вы считаете безумством, — на самом деле всего лишь обостренное чувство? До моего слуха донесся тихий, глухой и частый звук — если часы завернуть в вату, они будут так тикать.

Этот звук мне тоже был хорошо знаком. Это билось стариковское сердце. И оно только разожгло горевший во мне огонь, как барабанный бой распаляет храбрость солдат.

Но даже тогда я сдержался и не шелохнулся. Я почти не дышал. Фонарь у меня в руке даже не дрогнул. Я решил проверить, как долго я смогу не сводить луч с этого глаза. А адский стук сердца тем временем нарастал. Оно билось все быстрее и быстрее, с каждой секундой все громче и громче. Старик, должно быть, испытывал жуткий ужас. Я не шучу, сердце его колотилось все сильнее.

Помните, я говорил, что нервный? Так и есть. А тогда глухой ночью, в адской тишине этого старого дома, слушая этот странный звук, я испытывал непреодолимый ужас. И все же еще несколько минут я сдерживался и стоял, точно окаменел. Но биение становилось громче, громче!

Мне показалось, что его сердце сейчас лопнет. И тут меня будто осенило: этот адский звук услышат соседи! И час старика пробил! Громко крикнув, я раскрыл фонарь и прыгнул в комнату.

Он вскрикнул раз... Всего один раз. Я мгновенно стащил его на пол и привалил тяжелой постелью. Поняв, что дело сделано, я радостно улыбнулся. Но еще долго сердце продолжало приглушенно биться. Но это уже не тревожило меня — за стеной этого не услышат. Наконец звук стих. Старик умер. Я стащил с него постель и осмотрел труп.

Да, он был мертв, абсолютно. Я приложил руку к его груди, на сердце, и держал несколько минут. Биения не было. Признаков жизни он не подавал. Его глаз больше не побеспокоит меня.

Если вы все еще думаете, что я сумасшедший, я опишу вам, как мудро я избавился от тела, и вы перестанете так думать. Близились утро, поэтому я работал быстро, но тихо. Во-первых, я расчленил труп. Отрезал голову, руки и ноги.